

УДК 323.272(47+57)''19''

**КОНСЕРВАТИВНОЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ КРЕДО
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В АСПЕКТЕ БЕЗНРАВСТВЕННОСТИ
И ОШИБОЧНОСТИ РЕВОЛЮЦИИ**

**CONSERVATIVE IDEOLOGICAL CREDO OF FYODOR DOSTOYEVSKY
IN THE ASPECT OF IMMORALITY AND FALSITY OF THE REVOLUTION**

**К.А. Лотарев
K.A. Lotarev**

*Волгоградский государственный университет,
Россия, 400062, г. Волгоград, Проспект Университетский 100.*

*Volgograd State University,
100, prospect Universitetsky, Volgograd, 400062, Russia.*

e-mail: lotarev16@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка провести историко-политологический анализ феномена революционных коллизий и потрясений в контексте консервативного мировоззрения на основе «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского. Главная цель – показать необходимость анализа нарративного источника не в литературоведческом направлении, а в историческом и политологическом. В работе рассматриваются взгляды Ф.М. Достоевского на феномены «нигилизма» и «революции» в их спекулятивности и разрушительности.

Resume. The article attempts to carry out the historical and political analysis of the phenomenon of revolutionary upheavals and conflicts in the context of a conservative outlook on the basis of "Diary of a Writer" Fyodor Dostoyevsky. Main purpose - to show the need to analyze the narrative in the literary source is not direction, but in the historical and political science. The paper considers the views of Fyodor Dostoyevsky on the phenomenon of "nihilism" and "revolution" in their speculative and destructive.

Ключевые слова: нигилизм, революция, разрушение, созидание, консерватизм, традиция, православие, народ.

Key words: nihilism, revolution, destruction, creation, conservatism, tradition, orthodoxy, nation, people.

«Иной добрейший человек как-то вдруг сможет сделаться омерзительным безобразником и преступником, – стоит только попасть ему в этот вихрь, роковой для нас круговорот судорожного и моментального самоотрицания и саморазрушения, так свойственный русскому народному характеру в иные роковые минуты его жизни. Но особенно характерно то, что обратный толчок, толчок восстановления и самоспасения, всегда бывает серьезнее прежнего порыва – порыва отрицания и саморазрушения. в восстановление свое русский человек уходит с самым огромным и серьезным усилием, а на отрицательное прежнее движение свое смотрит с презрением к самому себе».

Ф.М. Достоевский. *(Дневник писателя. М., 2011. Т. 1. С. 80.).*

Интерес к творчеству Ф.М. Достоевского – как научный, так и публицистический – не только сохраняется, но и возрастает: о нем писали и пишут много. Научная литература недавно пополнилась еще одним интересным литературоведческим исследованием¹. В данной статье автор сосредоточил внимание на историософских и политических взглядах Ф.М. Достоевского. Отмечается, что повышение интереса к творчеству Ф.М. Достоевского обусловлено современным дискурсом о путях развития России, «заставляющим обратиться к творчеству видных русских мыслителей прошлого. Среди них особняком стоит фигура Ф.М. Достоевского, традиционно оцениваемого как предсказателя основных коллизий отечественной истории XX века»². В данном контексте представляется, что и противоречивый политический процесс в современной России – России XXI века остается на стадии переходного периода. А переходному периоду свойственно то состояние поли-

¹ Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876 - 1877). Критика текста: монография. М., 2011.

² Любятинская У.С. Исторические воззрения Ф. М. Достоевского (По материалам "Дневника писателя"): Дис. ... канд. ист. наук. 2006. С. 1.

тической рефлексии, при котором поставлено больше вопросов и проблем, чем их позитивное разрешение. Трудно не согласиться с мнением У.С. Любятинской, что «Будучи позиционирован как исключительно художественный писатель, Ф.М. Достоевский был вынесен за рамки отечественной историографии XIX века. Между тем, генезис ряда концептуальных подходов русской исторической мысли, связанных, главным образом, с историографией консервативного направления, определялся напрямую его творческим наследием. Без Ф.М. Достоевского отечественная историография соответствующего периода не представляется в достаточной степени репрезентативной»³. Представляется, что воззрения на мир у Ф.М. Достоевского были более не историческими, а историософскими. Мало кто из писателей мировой литературы, обращающихся к политическим и историческим сюжетам или событиям, поднимался до такого высокого уровня осмысления. Безусловно, это не является необходимостью, но вполне позволяет анализировать некоторые произведения как историографические феномены. А с другой стороны, вопросы и проблемы, затрагиваемые писателем, созвучны нашему времени. При несомненной актуальности и значимости поднимаемых проблем, «Дневник писателя» может изучаться и анализироваться и в сфере политической науки.

Обращение автора статьи к творчеству Ф.М. Достоевского обусловлено несколькими важными обстоятельствами.

В романе «Бесы» Ф.М. Достоевский характеризует ошибочность и безнравственность революции с художественной стороны. Но чтобы полнее и глубже понять точку зрения писателя на идеологию революционного движения, а точнее на ее трагическую ошибочность и беспочвенность в России, следует обратиться к «Дневнику писателя», на страницах которого автор дает четкое обоснование занимаемых им в политической и общественной жизни позиций. С другой стороны, Ф.М. Достоевский отличался особым и утонченным восприятием, пониманием людей и идей. Видимо, это было обусловлено и генетически врожденными качествами и самими жизненными обстоятельствами и событиями: увлечение радикальными идеями петрашевцев, которые он пропустил через сердце; ожидание смерти по приговору имперского суда; горькая и тяжелая расплата многолетней каторгой, которая надолго, казалось, отделила его от привычного образа жизни и окружения; долгое искреннее преодоление радикальных идейных заблуждений. Исходя из православных нравственных императивов и социально-политических реальностей, Ф.М. Достоевский, не претендуя на постижение жизни посредством доказательных научных сентенций, дает образные и трудно отрицаемые объяснения того, что происходит с человеком и обществом на временных исторических и политических изломах. Безусловно, это касается исключительно русской жизни. Эпиграф к данной статье отражает это весьма глубоко и красноречиво. Насколько это видение коррелируется с современной российской реальностью? Вопрос сложный. Согласно одному из основных кредо консервативного мировоззрения – революция в варианте сопряжения с гражданской войной и потоками людской крови не завершается победой одной из сторон. Далее следует долгий период утверждения и упрочения «завоеванного». Нередки в политической истории были Реставрации и Узурпации, Диктатуры и Тирании. Слишком велика цена гордыни, тщеславия и эгоизма человеческого, прикрытых светской гуманистической риторикой. В этом контексте Свобода, Равенство, Братство для консервативного мышления и мировоззрения, являются обманом, выражением манипуляций демонических сил. Лидеры европейских революций, впрочем, в большинстве своем происходили отнюдь не из низов общества, а в большинстве случаев из так называемого среднего класса. Они отличались, как правило, высокой образованностью, нередко искренней верой в свои идеи и их благотворность и необходимость. При всей очевидности и несомненности общечеловеческих гуманистических достижений, они, тем не менее, перебиваются неистребимой общественной иерархией и неравенством, основанным на власти и влиянии, капитале и собственности, столь неравномерно распределенных. Ф.М. Достоевский искал ответа на главные вопросы человеческого бытия – что может определять общественную гармонию, мир и созидание? И поиск этот никогда не шел в отрыве от православного мироощущения и восприятия. Вот квинтэссенция мировоззрения Ф.М. Достоевского в этом вопросе: «Русский народ весь в Православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет – да и не надо, потому что Православие все»⁴. Бог, русский народ и Православие по Достоевскому – неразрывны. Где появляется разрыв, тут появляется и трагедия, катастрофа. Чем сильнее и радикальнее разрыв, тем и губительнее катастрофа. Человек, являющийся носителем веры и нравственности, может оказаться серьезно поврежденным бедами. Есть нечто общее в рассуждениях о человеке Н.М. Карамзина и Ф.М. Достоевского. Н.М. Карамзин видел в монархе не столько человека, сколько саму высшую идею, суть которой состоит в соответствии монарха высшим человеческим качествам и добродетели. Соответствовать такой идее было непросто. Этим и объясняется одна из причин, по которой Карамзин на время попадет в немилость императора Александра Первого⁵.

³ Там же.

⁴ Цит. по: Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках. М., 2003. С. 321.

⁵ Лотарев К. А., Никотин А. Д. Либерализм и консерватизм в России: онтологические основы и политическое развитие: монография. Волгоград, 2008. С. 178-186.

Ф.М. Достоевский в своем творчестве – художественном и публицистическом – тоже вкладывает большой смысл в назначение человека – не монарха, Помазанника Божьего, а человека вообще (русского православного человека). Н.А. Бердяев так заметил по этому поводу: «У Достоевского нет ничего, кроме человека, нет природы, нет мира вещей, нет в самом человеке того, что связывает его с природным миром, с миром вещей, с бытом, с объективным строем жизни, существует только дух человеческий и только он интересен, он исследуется»⁶. Но есть в философской литературе и иные интерпретации подхода Ф.М. Достоевского в вопросе о человеке. Так, В.В. Зеньковский отмечает: «...Достоевский – антропоцентричен, а его философское мировоззрение есть, прежде всего, персонализм, окрашенный, правда, чисто этически, зато и достигающий в этой окраске необычной силы и глубины. Нет для Достоевского ничего дороже и значительнее человека, хотя, быть может, нет ничего страшнее человека ...Персонализм Достоевского относится к онтологии, а не к психологии человека, к его существу, а не к эмпирической реальности»⁷.

Возможно, единственным внутренним конфликтом писателя был его неприкрытый исторический антисемитизм. Это обстоятельство значительно затрудняет возможность видеть в писателе органический, ничем не отягощенный гуманизм. Достоевский видел гуманизм в противостоянии тоталитаризму и насилию и видимо не считал, что помехой ему может быть еврейский вопрос.

В российской истории, в контексте ее социально-политического содержания, есть интересные источники, вышедшие не только из под пера венценосных особ и государственных деятелей, но и написанные талантливыми деятелями науки и искусства. В данной статье внимание автора сосредоточено исключительно на Дневнике Ф.М. Достоевского. Ценность «Дневника писателя» состоит не столько в богатейшей онтологической и эмпирической информативности, сколько в том, что Ф.М. Достоевский жил в период «созревания», периодических усиления и ослаблений революционных настроений, но при этом предсказал осуществимость в России революционного переворота в его крайней радикально-разрушительной форме. С высоты времени трудно не заметить и понять редкую пронизательность писателя. Обращаясь к вопросу о том, что заставляет революционеров-«нигилистов» видеть в революции единственное средство достижения «рая на земле», Ф.М. Достоевский склонен объяснять это влиянием Запада. Действительно, в эпоху правления Петра I Россия становится влиятельным участником в системе европейских политических отношений. Россия получила возможность обратить свой взор на «истинную цивилизацию». Но при этом император Петр Великий, насаждая в «отсталой» Руси европейские манеры, европейский облик и культурные достижения, возможно, незаметно для себя дал толчок к европеизации мировоззрения «культурной русской элиты». Часть этой элиты, по мнению Ф.М. Достоевского, в настроениях своих примыкала почему-то именно к разрушительным элементам Европы, в частности к левым движениям. И тогда получается, что «западники» XIX века напрочь отрицают европейскую цивилизацию. Причины этого столь необычного явления Ф.М. Достоевский усматривает в «протестующей русской душе», которой «европейская культура была всегда, с самого Петра, ненавистна и во многом, слишком во многом, оказывалась чуждой»⁸. И далее развивается мысль, что «чутье русское не умирало: русская душа хоть и бессознательно, а протестовала именно во имя своего русизма, во имя своего русского и подавленного начала; ... и протестовало не от татарства своего, а и в самом деле, может быть, от того, что хранило в себе нечто высшее и лучшее, чем то, что видело в окошке...»⁹. Выходит, что действительными патриотами своей родины являются именно «западники»-нигилисты, которые выступают фактически за уничтожение западной цивилизации в ходе революций. Но тогда возникает вопрос, зачем революцию они стремятся осуществить и в России, началу которой так верны. «Тут вышла одна великая ошибка..., – говорит Ф.М. Достоевский, – и прежде всего та, что все эти тогдашние западники Россию смешали с Европой, приняли за Европу серьезно и – отрицая Европу и порядок ее, думали, что то же самое отрицание можно приложить и к России, тогда как Россия вовсе была не Европа, а только ходила в европейском мундире, но под мундиром было совсем другое существо»¹⁰. Поэтому, по мысли писателя, русские так ненавистны европейцам, поскольку похожи на варваров, которые, не принадлежа к «цивилизации», восприняли ее отрицающие разрушительные идеи.

Европеизация мировоззрения нашего «культурного слоя» привела и к еще одному негативному явлению русской действительности, определившему (или, точнее, предопределившему) изначальную ошибочность и разрушительную опасность взглядов нигилистов. И явление это – отрыв интеллигенции от народа, от родной «почвы», и, как следствие этого, незнание народа, а значит, неверность суждений. «Это именно происходит у нас от взаимной, долгой и все более и более возрастающей оторванности одной России от другой. Наша оторванность именно и началась с простоты взгляда одной России на другую. Началась она ужасно давно, ... и с тех пор, от поколения к поколению, взгляд этот только и делал у нас, что упрошался»¹¹. Отойдя от народных начал,

⁶ Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского // Н. А. Бердяев о русской философии: В 2 ч. М., 1998. Ч. 1. С. 239.

⁷ Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. (и в 2-х частях) Л., 1991. Т. 2. С. 229-230.

⁸ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. В 2 т. Т. 1 М., 2011. С. 404.

⁹ Там же. С. 405.

¹⁰ Там же. С. 406.

¹¹ Там же. С. 526.

интеллигенция утратила силу единства, свято хранимую «народной идеей»; поэтому «наше русское интеллигентное общество всего более напоминает собою тот древний пучок прутьев, который только и крепок, пока прутья связаны вместе, но чуть лишь расторгнута связь, то весь пучок разлетится на множество слабых былинки, которые разнесет первый ветер. Так вот этот-то пук у нас теперь и рассыпался»¹².

Таким образом, единственным носителем исконной «русской правды», истинной веры в Бога, и Бога, при этом, единственно истинного, является именно русский народ, который знает Евангелие, носит в своем сердце основные правила веры: «... сердечное знание Христа и истинное представление о нем... передается из поколения в поколение и слилось с сердцами людей. Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ его по-своему, то есть до страдания. Названием же православного, то есть истиннее всех исповедующего Христа, он гордится более всего»¹³. Народ обладает огромной внутренней силой; даже в самые трудные времена, пишет Ф.М. Достоевский, ему были присущи милосердие, всепрощение, широкость взгляда и особа – жертвенность, даже «потребность страдания». Поэтому интеллигенция научить народ ничему не может, и прежде чем строить прокламации революционерам-активистам (как, впрочем, и либералам), следовало бы поучиться у народа истине; или, по крайней мере, узнать, чего он хочет. А народ, по убеждению Ф.М. Достоевского, является противником революции. Здесь писатель отчасти прав, если говорить о крестьянах, которые в России XIX века были преобладающим по численности сословием; что же касается европейского пролетариата, проявлявшего революционные тенденции с XVI века, то этот класс Ф.М. Достоевский отождествлял с буржуазией, на том основании, что те и другие – собственники, только в разной степени.

Европейская цивилизация имела и еще одно пагубное влияние на русскую передовую мысль. По Ф.М. Достоевскому, очередная ошибка российской интеллигенции – это признание западной «теории среды», согласно которой во всех бедах, во всех пороках нашего общества виновата среда, то есть, по сути, само общество, общественные отношения, установившийся порядок, или, лучше сказать, беспорядок. «Одним словом, проглядывает руководящее убеждение всей жизни, то есть «были бы все обеспечены, были бы все и счастливы, не было бы бедных, не было бы преступлений. Преступлений нет совсем. Преступление есть болезненное состояние, происходящее от бедности и от несчастной среды» и т.д.¹⁴.

Исходя из эсхатологического понимания свободы, Ф.М. Достоевский небезосновательно для пытливого и пронизательного ума заключает: «Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и его свободу. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводило до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить»¹⁵. Отсюда вытекает мысль, что с бедами и преступлениями нужно бороться, изменяя среду. Из этого тезиса рождаются различные проекты «очистки среды» от пороков. Но вопрос о том – у кого есть право «чистить», едва ли беспокоил «чистильщиков». Можно, например, свергнуть самодержавие, уничтожить дом Романовых (что и сделали большевики в 1918 г.), можно поубивать всех чиновников-бюрократов и «богатеев», мешающих спокойно и хорошо жить «простым людям». Можно было бы, наконец, перевешать всех помещиков-ретроградов и консерваторов, которые думают только о том, как бы подольше продержаться «в кабале» крепостных, да взять с них побольше... Возможностей «улучшения» среды не счесть.

Но Ф.М. Достоевский в этом вопросе исходит от обратного: как добро, так и зло таятся внутри человека, и, чтобы победить весь мир, человек должен победить, прежде всего – себя, побороть собственную разрушительную силу. В противовес учению о среде Ф.М. Достоевский ставит христианство, которое «вполне признавая давление среды и провозгласивши милосердие к согрешившему, ставит, однако же, нравственным долгом человеку борьбу со средой, ставит предел тому, где среда кончается, а долг начинается. Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его»¹⁶.

Многое в этом вопросе, по мысли Ф.М. Достоевского, зависит от воспитания, которое человек получает в детстве, в семье. И если при этом учесть, что «наши юные люди наших интеллигентных сословий, развитые в семействах своих, в которых всего чаще встречаете теперь недовольство, нетерпение, грубость невежества (несмотря на интеллигентность классов) и где почти повсеместно настоящее образование заменяется лишь нахальным отрицанием с чужого голоса; где материальные побуждения господствуют над всякой высшей идеей; где дети воспитываются без почвы, вне естественной правды, в неуважении или в равнодушии к отечеству и в насмешливом презрении к народу, так особенно распространяющемся в последнее время, – тут ли, из этого ли источника наши юные люди почерпнут правду и безошибочность направления своих первых шагов в жизни?»¹⁷. Следовательно, реальное начало зла кроется «в предании, в преемстве идей, в вековом

¹² Там же. С. 298.

¹³ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. В 2 т. Т. 1. С. 83.

¹⁴ Там же. С. 388.

¹⁵ Там же. С. 56.

¹⁶ Там же. С. 56.

¹⁷ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. В 2 т. Т. 1. С. 197.

национальном подавлении в себе всякой независимости мысли, в понятии о сани европейца под неперменным условием неуважения к самому себе как к русскому человеку!»¹⁸.

Но корень зла лежит не только в воспитании; зло в какой-то степени изначально присуще человеку. И в романе «Бесы» Достоевский приводит «многообразные и разнообразные мотивы», исходя из которых «даже чистейшие сердцем и простодушнейшие люди» могут совершать чудовищные злодеяния. «Вот в том-то и ужас, что у нас можно сделать самый пакостный и мерзкий поступок, не будучи вовсе иногда мерзавцем!»¹⁹ – вот суть наших бед.

Следующий вопрос состоит в том, каким должен быть идеальный мир, царство гармонии по мысли нигилистов; то есть каким они видят конечный результат своих действий? Здесь вариантов также множество: от утопических мечтаний о рае в «хрустальном дворце» (или «муравейнике») до «казармы» Шигалева. Несмотря на их внешнее разнообразие, все они сводятся к чистому материализму: люди должны с радостью трудиться и жить в полнейшем достатке, и даже роскоши. При этом социалисты-«доброжелатели», пленившись внешней оболочкой своих утопий, не заглянули «внутрь» – а что же станет с человеком, если он вдруг начнет жить в условиях полного удовлетворения своих потребностей? Чего еще ему останется желать? К тому же еще в «муравейнике» вся жизнь будет расчислена по таблицам и потому будет скучна и невыносима. Мысль эта прослеживается еще в «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского, где автор через «подпольного человека» утверждает, что люди и не хотят «Хрустального дворца», так как они любят хаос и разрушение, а вовсе не стройность и гармонию. Страницы «Дневника писателя» повествуют об итоге поклонения материализму: «Люди вдруг увидели бы, что жизни уже более нет у них, нет свободы духа, нет воли и личности, что кто-то у них все украл разом; что исчез человеческий лик, и настал скотский образ раба, образ скотины, с тою разницею, что скотина не знает, что она скотина, а человек узнал бы, что он стал скотиной... Поняли бы люди, ... что счастье не в счастье, а лишь в его достижении. Настанет скука и тоска... Самоубийцы явятся толпами; ... люди будут сходиться массами, схватываясь за руки и истребляя себя все вдруг, тысячами... И тогда, может быть, и возопиют остальные к Богу: «Прав Ты, Господи, не единым хлебом жив человек»²⁰.

Будущее России, по мнению Ф.М. Достоевского, в преодолении разрыва интеллигенции с народом, а значит в преодолении ненависти между ними, в братском единении всех сословий на основе национальной христианской идеи, веры в Бога, всеобщего примирения и смирения. Писатель был убежден, что Россия «осмелится сказать свое новое слово в общечеловеческом деле... И даже... скажет не только собственное, но, может, и окончательное слово»²¹. «... В народных началах России и в ее православии, – под которым Федор Михайлович подразумевает идею, – заключаются залого того, что Россия может сказать слово живой жизни в грядущем человечестве...»²².

Ф.М. Достоевский отвергает и порицает выдвинутые нигилистами способы построения «рая на Земле», тем самым полностью отвергая и порицая революцию. Эти «бесы», идеологи «смуты», провозгласив принцип «все средства хороши», не подозревают, что невозможно «рай» построить на «резании голов» и «сдирании кож». «Мыслители провозглашают общие законы, то есть такие правила, что все вдруг сделаются счастливыми, безо всякой выделки, только бы эти правила наступили... Все прежние авторитеты разбили и наставили новых, а в новые авторитеты, чуть кто ... поумнее, тот и не верует, а кто посмелее духом, тот из гражданина в червонного валета обращается. Мало того, ей-богу начнет сдирать со спины кожу, да еще провозгласит, что это полезно для общего дела, а стало быть свято»²³. «Лучше, – пишет Ф.М. Достоевский, – верить тому, что счастье нельзя купить злодейством, чем чувствовать себя счастливым, зная, что допущилось злодейство»²⁴.

Таким образом, русский революционер, утратив всякое понятие о том, до какой степени его учение рознится с душой русского народа, принял за достижение цели то, что «составляло верх эгоизма, верх бесчеловечия, верх экономической бестолковщины и безурядицы, верх клеветы на природу человеческую, верх уничтожения всякой свободы людей...»²⁵. Напрасно провозглашают принцип «пусть лучше идеалы будут дурны, да действительность хороша», потому что «без идеалов, то есть без определенных хоть сколько-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности»²⁶. Это вечная истина. Не нужно заставлять народ идти войной на «притеснителей», «изменников» и т.д.

Смысл исканий Ф.М. Достоевского в том, что нужно самому сблизиться с народом, вернуться к народной «почве», понять народ, полюбить его, разглядеть в нем те качества, ту идею, которые до этого отрицались, вместо того чтобы рассматривать народ как теорию. Лучше отождествлять себя с народом и тем самым увидеть, что предпочтительнее для его будущего.

¹⁸ Там же. С. 198.

¹⁹ Там же. С. 197.

²⁰ Там же. С. 240.

²¹ Там же. С. 427.

²² Там же. С. 427.

²³ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. В 2 т. Т. 2. М., 2011. С. 56.

²⁴ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. В 2 т. Т. 2. С. 58.

²⁵ Там же. С. 27.

²⁶ Там же. С. 288.

Обращаясь к тщеславным и переполненным гордыней революционерам, Ф.М. Достоевский напоминает, что есть и более высокий полет мысли – источником и основанием которой является православная нравственность. Предшествующие Ф.М. Достоевскому консерваторы – как русские, так и европейские – не представляли устойчивого социально-политического устройства без веры и прочно укорененных в сознании религиозных императивов. Вероятно, именно из них, со временем, консервативное мышление будет далее развиваться и пополняться казалось бы чисто светскими обоснованиями, как-то – «ум человеческий пребывает в просторах весьма тесных» (Э. Берк, Жозеф де Местр, Н. М. Карамзин и др.), «неравенство и несправедливость неистребимы, но они могут быть значительно смягчены» и другие.

Ф.М. Достоевский обогащает идейный поиск, утверждая: «Нет, судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и все это в самом привлекательном гармоническом соединении»²⁷. А полюбив народ таким, как он есть, сблизившись с ним, уверовав в истинного Бога, человек станет относиться к каждому как к брату, и вот тогда и наступит «рай на Земле», и в мире восторжествует справедливость и гармония, которых никогда не добьются своими методами революционеры. И тогда стремительно, «с жаждой самосохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, спасет себя сам»²⁸.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, как Ф.М. Достоевский оценивал революционные идеи и настроения своих современников-нигилистов, оторванных от народа, от «почвы». Революция безнравственна в полном смысле этого слова; ее деятели и, особенно, вожди-вдохновители, прибегая к всевозможным средствам, в большинстве своем преступным и антигуманным, переступая через кровь своих соотечественников, которую они, к тому же, используют как «клейстер» для поддержания дисциплины и сохранения атмосферы беспрекословного подчинения, – так вот эти нечаевы и верховенские, сея на своем пути разврат и разрушение, идут и тащат за собой Россию к неопределенному будущему, в котором по теории будут царить «свобода, равенство и братство», а на практике – рабство и безграничная деспотия. Но революция не только безнравственна и аморальна, она еще и беспочвенна, поскольку революционеры, не зная и в душе своей презирая народ, не обладая его истинной верой, хотят достичь того, чего заведомо не приемлет народ, что абсолютно противоречит исконной природе человеческой, изначальной русской идее. Они используют омерзительные, жестокие методы борьбы с ненавистным им миром, сеют хаос и полнейший раздор, но при этом с необычайной легкостью, и даже не задумываясь об этом, они переступают не только через законы человеческие, общественные, но и через законы христианские. О какой любви к ближнему тут может идти речь, если людей уничтожают «чтобы размять косточки». И какое общество, какой рай могут они построить? Видимо, невозможно, не имея в душе ничего высокого, подлинно человеческого, приниматься за преобразование мира. Невозможно искоренить пороки общества и несправедливость, действуя методами еще более порочными и, уж тем более, несправедливыми. И зачем им вообще браться за переустройство России, если она им так ненавистна? Только «бесы» – мошенники, авантюристы, самозванцы, – могут навязывать народу революцию: именно навязывать, так как народ, по мнению Ф.М. Достоевского, храня в своем сердце основы истинной веры и национальной русской идеи, не может принять революцию, чувствуя не только ее безнравственность, но и ее античеловечность.

Именно эта мысль развита в «Дневнике писателя», в романе «Бесы» и других сочинениях.

Представляется, что в настоящее время – противоречивое и многотрудное, когда идет процесс обретения Россией и обществом устойчивых социальных, экономических, политических, правовых и культурных форм и институтов, научное осмысление политической истории неизбежно расширяется не только числом аспектов, но и привлечением ранее малоиспользуемых источников и материалов. И относительно недавно начало этому было положено. «Дневник писателя» охватывает более широкий круг тем и проблем в российской политической истории и, несомненно, его изучение будет плодотворно продолжаться. Исторические и политические составляющие неразрывны в переломные периоды общественного и государственного развития²⁹.

В заключение отметим: Достоевский Федор Михайлович – не просто великий писатель, но и пронзительный консервативный мыслитель, который, признав ошибочность своих прежних суждений, смог отойти от радикальных и разрушительных общественных политических течений и отстаивать свое мировоззрение «почвенничества», указывая либералам, консерваторам, реакционерам и социалистам на то, что прежде чем что-то предпринимать, нужно любить и знать Россию, любить с ее недостатками и сложностями. И только тогда желание преобразовать ее будет основано не на разрушительной силе волюнтаризма, а на созидательной творческой энергии, опирающейся на здравый смысл и мудрость консервативного мировоззрения.

²⁷ Там же. С. 250.

²⁸ Там же. С. 80.

²⁹ Konstantin A. Lotarev, Oleg V. Kuznetsov. The Revolutionary Movement in the Evaluation of F.M. Dostoevsky: To Understand Conservatism in the Political History of Russia // *Bylye Gody*. 2015, Vol. 38. Is. 4. P. 1069-1077.